

АРТЕФАКТ

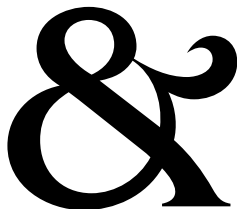

ДЕТЕКТИВ

**Читайте лучшие исторические
детективы Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана
Крест Иоанна Кронштадтского
Тайное сокровище Айвазовского
Нефритовая орхидея императрицы Цыси
Кровавый след бога майя
Тайна русского путешественника
Медальон Великой княжны
Клад последних Романовых
Перстень Григория Распутина
Крест великой княгини
Проклятие Пиковой дамы
Прощальный подарок Карла Брюллова
Золотой камертон Чайковского

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Золотой камертон
Чайковского

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Обложка *Н. Кудри*
Редактор серии *Ю. Милоградова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Tatiana Popova, tanshy, Baturina Yuliya, Vadim Ivanov /
Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алейникова, Юлия.

А45 Золотой камертон Чайковского : [роман] / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-113976-6

В далеком 1855 году некая таинственная незнакомка, представившаяся Музой, преподнесла в дар начинающему композитору Петру Ильичу Чайковскому золотой камертон, который стал для него неисчерпаемым источником вдохновения.

После смерти композитора камертон начал свое долгое путешествие по миру, даря новым владельцам радость творчества, принося славу и деньги. Но не слишком ли дорога была цена такого успеха? Ни одному владельцу камертона не посчастливилось умереть своей смертью. И что же произошло с камертоном после гибели его последнего владельца, всемирно известного композитора и дирижера Павла Ившина? Неужели он нашел свою новую жертву?

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113976-6

Ты обойден наградой — позабудь.
Дни вереницей мчатся — позабудь.
Небрежен ветер — в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть.

Омар Хайям

ПРОЛОГ

Июнь 1855 года. Санкт-Петербург

Ж

емчужно-перламутровые сумерки клубились за окном. Тревожный сумрак окутал углы полупустой уютной комнаты. Легкий ночной ветерок заставлял зябко поежиться, наполняя скромную обитель бывшего правоведа не душистой свежестью, а речной сыростью.

Петр Ильич, мучимый бессонницей и необъяснимой тревогой, уже час бессмысленно бродил по комнате, кутаясь в старую маменькину шаль. Вдохновения не было, в голову лезли прозаические хозяйственные мысли. Чем заплатить долги, на что купить нотной бумаги и как долго будут отпускать в долг в бакалейной лавке?

Ах, как легкомысленно он покинул службу, стоило ли так рисковать, мучился в очередной раз Петр Ильич, вспоминая сытые беззаботные годы службы, веселые дружеские обеды и ужины, походы в театр и на модные концерты. Да, служба была скучна, рутина отвлекала от занятий, но жить ведь тоже на что-то надо.

А еще папенька уехал с братьями на Урал, Леся Апухтин — в Москву, ни одной родной души в городе не осталось, вздыхал Петр Ильич, мучаясь от беспричинной тоски и одиночества и вглядываясь в светлые безрадостные небеса.

Его неподвижную задумчивость прервал тихий стук. Чайковский вздрогнул, рассеянно взглянул на часы.

Пробило уже час. Кто же в такое время? Может, Ларош? Почему так поздно? Руки Петра Ильича отчего-то едва заметно дрожали, когда он отпирал дверь.

На пороге стояла дама...

Он безмолвно взирал на ночную гостью, гадая, не видение ли это, не галлюцинация ли переутомленного мозга.

Дама была облачена во что-то светлое, воздушное, как жемчужно-серебристое небо за окном. За дымчатой вуалью невозможно было разглядеть ее лица, только смутные очертания, огромные глаза, тонкий нос...

— Простите за поздний визит, Петр Ильич, — первой прервала затянувшееся молчание гостья. — Вы позволите войти?

— О да! Да, прошу прощения, входите. Я... Одну минуту... — суетливо сбрасывая с себя старую шаль, поправляя пиджак и приглаживая волосы, бормотал Чайковский. — Садитесь, прошу вас, — указывая на единственное имевшееся в комнате кресло, предложил он.

— Благодарю вас. — Голос дамы звучал мелодично, как будто чья-то рука нежно коснулась струн арфы.

— Простите, сударыня, мы знакомы? — заморожено глядя на гостью, спросил Петр Ильич.

— О да. И близко. — Сквозь дымку вуали лица гостьи было не разглядеть, но Петру Ильичу послышалась в ее голосе улыбка. — Но позвольте мне остаться инкогнито.

— Как вам будет угодно, — проговорил он, едва владея собой от волнения, в визите незнакомки было что-то мистическое, будоражащее. — Но что же привело вас ко мне в столь поздний час?

— Суший пустяк. — Вновь прозвучала арфа. — Я принесла вам маленький подарок в знак моего восхищения вашим талантом.

— Моим талантом? Но разве вы слышали мои сочинения? — удивленно спросил Петр Ильич. — Нет-нет. Помилуйте, я ведь едва начинаю... Я всего лишь скромный учащийся консерватории. Вы, должно быть, перепутали меня с кем-то.

— Поверьте, Петр Ильич, это исключено, — категорически возразила гостья. — И вот мой подарок. — Она извлекла из маленького шелкового мешочка вытянутую бархатную коробочку, щелкнул замочек, и что-то тепло блеснуло в неверном свете белой ночи. — Это золотой камертон, — пояснила дама, протягивая его Чайковскому.

Он бережно принял странный дар, легко дотронулся до камертона, и тот зазвучал так же чисто и завораживающе, как голос незнакомки.

— Когда вас посетят сомнения или муки творчества, прибегните к моему дару, — напутствовала Петра Ильича незнакомка, поднимаясь.

— Благодарю вас, — проговорил, кланяясь, Чайковский. — Но сообщите же мне хоть свое имя, прекрасная гостья, что бы я мог вспоминать вас.

— Зовите меня Муза, — разрешила она, стоя уже в дверях, и скрылась в темноте лестницы, словно растаяла во мраке.

Чайковский простоял некоторое время, зачарованно глядя на подарок, потом, опомнившись, поспешил к окну, но незнакомки уже не было на пустынной сонной улице.

Как странно, что не было слышно отъезжающего экипажа, подумал Петр Ильич, подходя к роялю. В голове рождалась легкая, светлая мелодия, наполняясь звуками, силой, жизнью...

Из письма Петра Ильича Чайковского А. Н. Апухтину:

«Июнь 1865 года.

Милый Леля!

Пишу тебе о том, о чем беспрестанно думаю все эти дни, что волнует меня необычайно. Ни с кем не имею сил поделиться я своею тайной, но ты, я знаю, поймешь меня и не будешь смеяться. Так вот.

На днях со мной произошел удивительный случай. Ночью, когда я страдал бессонницей и тосковал о тебе, мой друг, о наших с тобой вечерах и беседах, вдруг раздался стук в дверь, на пороге, ты не поверишь, стояла дама. Загадочная незнакомка, скрытая густой вуалью. Она пробыла не более десяти минут, но все время ее визита я испытывал непередаваемое волнение и трепет. Она явилась, чтобы преподнести мне в подарок золотой камертон, после чего удалилась, так и не назвав своего имени. Но самое удивительное, она преподнесла мне его в восхищении от моего таланта!

Но, милый Леля, если он у меня и есть, то никак еще не проявил себя, тем более в глазах широкой публики. Но даже не это самое удивительное!

Теперь стоит мне в минуты творческих затруднений или сомнений коснуться этого камертона, как словно озарение нисходит на меня. Сомнения исчезают, мысль становится яснее, чувства обостряются, и на меня нисходит вдохновение.

Ах да, едва не забыл, уходя, она все же представилась мне. Она назвала себя Музой.

Ах, милый Леля, теперь я сижу и размышляю о том, какой толчок творческой фантазии, какую пищу для души дает нам яркое, выходящее за границы обыденности событие. Я до сих пор храню в душе трепет и волнение, подаренные мне этой короткой встречей. Надеюсь, мои чувства найдут достойное выражение в музыке.

Обнимаю тебя. Твой П. Чайковский».

ГЛАВА 1

17 сентября 1957 года. Ленинград

— Л

арочка, дорогая, ты не видела мой клавир? — суетливо перемещался по комнате Модест Петрович.

— Нет. Ты же знаешь, что твои ноты никто никогда не трогает! — крикнула из спальни Лариса Валентиновна.

— Ларочка, у меня же концерт! Ну помогите мне кто-нибудь! — снова донесся из кабинета полный трагического надрыва голос. — Я опаздываю! У меня сегодня эпохальный вечер! Лара! Лиза! Илья! Луша! Все немедленно сюда! Все ищем мой клавир!

— Ну да. Можно подумать, я отличу клавир от ноктюрна, — проворчала домработница, оставляя в покое раскатанное на столе тесто. — У него концерт, а у меня ужин на двенадцать человек, мне готовить не надо. — Но в кабинет пришлось идти.

Когда Модест Петрович впадал в паническую ярость, как сейчас, а такое случалось нередко, потому что он, как многие творческие личности, был рассеян и вечно терял самое необходимое, всем членам семьи надлежало явиться на место сбора и проявить бурную, хотя порой и бессмысленную энергию в поисках утраченного. После bestолковой суеты и препирательств Лариса Валентиновна находила искомое, как правило, на самом видном месте. После чего вся семья, измо-

танная и обессиленная, возвращалась к повседневным делам, а виновник этой сумятицы преспокойно отбывал на службу.

— Ох, ну вот же он! — радостно потрясая нотами, воскликнул Модест Петрович, оборачиваясь к семейству. — Лежал прямо на столе, неужели никто не видел? Ларочка, а почему вы до сих пор не готовы? Нам же скоро ехать! Юбилейный концерт! Немедленно соберайтесь, мне что, самому вас всех одевать? Лиза, Илья...

Но в комнате уже никого не было. Семейство, зная наизусть, что им будет сказано далее, в мгновение ока растворилось в глубине квартиры, а спустя час Луша подавала им в передней плащи.

— Ну, с богом, — напутствовала она в дверях Модеста Петровича и даже тайком перекрестила, оглядевшись предварительно по сторонам, не идет ли кто из соседей.

Концерт, посвященный тридцатилетнему юбилею творческой деятельности выдающегося советского композитора Модеста Петровича Щеголева, в Большом зале филармонии прошел с огромным успехом. В первом ряду сидели представители руководства города, видные деятели искусства, члены семьи юбиляра. Второй и третий ряды также были заняты значимыми в городе фигурами, в том числе несколькими известными врачами, а также стоматологом, протезистом, директором крупного гастронома и его уважаемой супругой, представителем Внешторга с семьей, скорняком, директором известного в городе ателье и прочими друзьями, приятелями и знакомыми семьи.

На концерте исполнялись наиболее масштабные и популярные произведения юбиляра. Было множество оваций, официальных поздравлений, речей, цветов. В концерте приняли участие известные на всю страну

вокалисты, солисты ведущих театров города, что очень украсило программу.

А затем был банкет в «Метрополе» — пышный, громогласный, роскошный. После чего семейство с самыми близкими друзьями отправилось домой, где состоялось камерное семейное застолье, где звучали самые теплые и искренние тосты и пожелания, где можно было без опаски обсудить прошедший вечер во всех подробностях, посмеяться над напыщенностью Н., над неумеренной говорливостью М., над глупой чопорностью Л. и еще, и еще раз поздравить виновника торжества.

Спать Щеголевы легли под утро, Модесту Петровичу постелили в кабинете. Он очень устал за вечер и удалился на покой еще до ухода гостей. Так что провожать их пришлось Ларисе Валентиновне и усталой ворчливой Луше.

— И что за манера цельную ночь в гостях сидеть? Поели, попили, и милости просим по домам. А тут еще посуду за ними мой. А Иван Игоревич? Это ж надо придумать — посреди ночи во все горло запеть? Соседи, наверное, подумали, что у нас с ума все посходили. Хорошо еще, милицию не вызвали.

— Не ворчи, Луша. А посуду можешь и с утра помыть, иди ложись. Все сегодня устали, завтра будем прибираться, — добродушно посоветовала Лариса Валентиновна, подавляя зевоту.

— Ну вот еще. Не приучены в грязи спать ложиться, — упрямо возразила Луша.

— Ну тогда завтра рано не вставай, я сама кофе подам, и пирожки еще остались. В общем, завтрак не готовь, спи сколько спится, мы сами управимся, — щедро разрешила хозяйка.

— Справятся они, — отмахнулась от нее Луша. — Небось и понятия не имеете, где кофий стоит.

А утром Модест Петрович не вышел к завтраку.

— Луша, Модест Петрович так и не выходил? — спросила с порога Лариса Валентиновна, возвращаясь домой с прогулки.

— При мне нет. Я же в булочную выходила и в гастромом за гречей, — выглянула с кухни Луша. — Но я ему на столе завтрак оставляла, салфеточкой прикрытый, так он нетронутый стоит.

— Гм, — взглядывая на маленькие наручные часики, озабоченно вздохнула Лариса Валентиновна. — Думаю, надо пойти его разбудить. Вдруг он от переутомления заболел, может, его в банкетном зале просквозило или потом на улице, когда в такси сядились? Только бы не воспаление легких, — торопливо снимая пальто, волновалась все больше Лариса Валентиновна. — А Лиза с Ильей еще не возвращались?

— Не было пока.

— Луша! Луша! — донесся из кабинета такой пронзительный, истошный вопль хозяйки, что у Луши от страха кастрюля с начищенной картошкой из рук выпала.

— Господи, тута я! Чего так кричать-то, ведь едва от страха не померла. Ой, батюшки! — без всякого перехода заголосила Луша, увидев на диване неподвижного, уставившегося в потолок немигающими глазами хозяина.

— Сердце, это наверняка сердце. Такое переутомление, столько волнений... — бормотала себе под нос Лариса Валентиновна, комкая в руке маленький, насквозь мокрый платочек.

— Конечно, конечно. Наверняка, — согласно кивала, обнимая ее за плечи, Людмила Валентиновна, ее старшая сестра, вызванная Лушей на подмогу.

— Люсенька, если бы он лег в спальне, я бы услышала, я бы успела... А так... Бедный, бедный... Бедные

мы, как же мы теперь? А Лизонька с Ильюшей, как нам теперь?

— Ничего, не пропадете, — успокоительно гладила сестру по спине Людмила Валентиновна. — В советской стране живете, не дадут пропасть. Помогут. И с похоронами, и вообще, — кивала она головой. — Такой человек! Такой талант... Да и на книжке у вас небось что-то отложено, а у тебя образование есть. Проживете. Ох, Модя, Модя.

— Лариса Валентиновна, там к вам следователь пришел, приглашать? — заглянула в комнату заплаканная Луша.

— Следователь? Ко мне? А зачем? — все еще всхлипывая, оторвала от платочка красное, порядком распухшее лицо Лариса Валентиновна. — В смысле, конечно, пусть проходит. Люся, как я выгляжу? А впрочем, какая разница?

— Добрый день! Щеголева Лариса Валентиновна? — поздоровался, войдя в комнату, средних лет ничем не примечательный мужчина в штатском костюме и с левой сумкой в руках.

— Да, прошу вас. А это моя сестра, Людмила Валентиновна. Вы проходите, пожалуйста, садитесь. И извините меня за мой вид, сами понимаете... — прерывисто выдохнула Лариса Валентиновна, стараясь снова не расплакаться.

— Конечно, — сдержанно ответил следователь, присаживаясь. — Разрешите представиться, капитан Рюмин Евграф Николаевич. Сотрудник Ленинградского уголовного розыска.

— Очень приятно. Уголовного розыска? — тут же удивленно уточнила Лариса Валентиновна. — Но я не понимаю... что вам от нас угодно? — У нее даже слезинки от удивления высохли.